

ЯПОНСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ

ВЪ СРАВНЕНИИ

СЪ ДРУГИМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМИ

И

СЪ ПРОЭКТОМЪ

УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ.

С. БУДЗИНСКАГО.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1884.

Дозволено цензурою. Москва, 28 января 1884 г.

ЯПОНСКОЕ УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДРУГИМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМИ И СЪ ПРОЕКТОМЪ УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ.

I.

Общій взглядъ на новѣйшія уголовныя законодательства.

Уголовное право сначала было частью гражданскаго и только со временемъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ и государственныхъ идей, получило самостоятельность. Равнымъ образомъ и уголовная наука долгое время не имѣла самостоятельнаго характера и даже съ возрожденіемъ правовѣдѣнія въ XII вѣкѣ въ Италіи считалась чѣмъ-то второстепеннымъ по отношенію къ гражданскому праву. Начиная съ половины XVIII столѣтія вліятельные писатели, вызывая переворотъ во взглядахъ на политическіе, философскіе и религіозные вопросы, коснулись и основныхъ задачъ уголовного права. Съ тѣхъ поръ начинается его быстрое и самостоятельное развитіе. Въ особенности же это замѣтно съ продолженіемъ философіею Канта новаго пути изслѣдованій и съ появленіемъ уголовныхъ теорій, т.-е. философскихъ системъ, разрѣшающихъ основные вопросы уголовного права. Съ успѣхами науки совпадаютъ и успѣхи уголовного законодательства, начиная съ конца XVIII и начала XIX вѣка. Съ проведеніемъ грани между правомъ, нравственностью и религіею, устраняются изъ области уголовного права и теряютъ характеръ преступленій такіа дѣянія, которыя должны подлежать только моральному запре-

ту. Нѣкоторыя преступленія, созданныя суевѣріемъ, какъ, напр., колдовство, совершенно исчезаютъ. Равнымъ образомъ, благодаря развитію предупредительной и полицейской дѣятельности государственныхъ органовъ, извѣстныя дѣйствія теряютъ уголовный характеръ. Таковъ результатъ новаго взгляда на уголовное законодательство въ концѣ XVIII вѣка. Въ текущемъ столѣтіи начинается рядъ законодательныхъ реформъ, а именно, съ изданіемъ замѣчательныхъ уложеній: *австрійскаго* 1803, *французскаго* 1810 и *баварскаго* 1813 г.; съ появленіемъ же саксонскаго уложенія 1838 г. дѣятельность въ области уголовныхъ реформъ все болѣе и болѣе усиливается въ Европѣ.

Современныя уголовныя законодательства, по своеобразности ихъ характера, представляютъ три самостоятельныя группы: *романскую, германскую и англосаксонскую*.

Во главѣ романской группы стоитъ *французское уложеніе* 1810. Къ нему примыкаютъ кодексы другихъ романскихъ племенъ Европы и Америки, французскихъ кантоновъ Швейцаріи и бельгійское уложеніе. Французскіе юристы унаслѣдовали отъ римлянъ практическій тактъ, ясность, простоту и ясность редакціи. Этими качествами отличается ихъ каждая законодательная работа, въ томъ числѣ и кодексъ 1810 г. По отношенію къ началамъ, этотъ кодексъ своимъ превосходствомъ надъ прежнимъ законодательствомъ обязанъ преимущественно трудамъ итальянскихъ юристовъ XVIII вѣка, которыми съумѣли удачно воспользоваться редакторы. Но, къ сожалѣнію, излишнее стремленіе къ упрощенію повлекло за собою существенные недостатки: такъ, напр., благодаря этому стремленію, уравниены въ отношеніи наказанія, съ одной стороны, совершеніе и покушеніе на преступленіе, а съ другой — главные виновные и всѣ участники. Кромѣ того въ этомъ уложеніи находимъ излишній консерватизмъ въ принципахъ и освященіе пережитыхъ правилъ средневѣковой строгости. Эти качества и недостатки французскаго законодательнаго генія отражаются и на другихъ романскихъ кодификаціяхъ, для которыхъ Code pénal сдѣлался образцомъ. Своеобразную черту, которая объясняется климатическими условіями, представляютъ романскія уложенія въ томъ, что они въ сравненіи съ другими законодательствами относятся болѣе мягко къ плотскимъ преступ-

леніямъ. Такъ, напр., эти законодательства наказываютъ мужа за прелюбодѣяніе только при извѣстныхъ условіяхъ.

Германскіе ученые XIX вѣка приняли отъ итальянскихъ ученыхъ жезлъ первенства въ наукѣ уголовного права. Ихъ громадныя и всесторонніе труды не могли остаться безъ вліянія на законодательство. Австрійское уложеніе 1803, котораго улучшенную редакцію составляетъ уложеніе 1852 г., занимаетъ видное мѣсто въ ряду законодательныхъ реформъ текущаго столѣтія. Оно отличается отъ другихъ германскихъ уложеній самостоятельностью, простотою и ясностью редакціи, смягченіемъ системы наказаній и правильнымъ взглядомъ на преступленія противъ религіи.

Баварское уложеніе 1813 г., составленное знаменитымъ криминалистомъ Фейербахомъ, носитъ на себѣ отпечатокъ его реморматорской самостоятельности; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ замѣтны недостатки, соизвѣствующие обыкновенно кабинетному труду теоретика. Къ этимъ недостаткамъ слѣдуетъ преимущественно отнести: излишнее стремленіе ограничить усмотрѣніе судьи, запрещеніе толковать законы и строгое проведеніе теоріи устрашенія.

Во второй четверти текущаго столѣтія, начиная съ саксонскаго уложенія 1838, нѣмецкая наука вызываетъ рядъ реформъ, съ цѣлію замѣнить въ различныхъ германскихъ государствахъ устарѣлое общенѣмецкое право. Неусыпный духъ реформъ доходитъ до того, что и маленькія государства и вольные города составляютъ себѣ уголовныя кодексы. и что нѣкоторыя уложенія, какъ, напр., саксонское, вопреки требованіямъ законодательной науки и искусства, подвергаются слишкомъ частымъ пересмотрамъ. Громадная заслуга германскихъ кодификацій состоитъ въ выработаніи новыхъ началъ, въ освобожденіи законодательства отъ многихъ остатковъ варварскихъ временъ. Превосходя этой стороною романскія уложенія, нѣмецкіе кодексы далеко не стоятъ наравнѣ съ ними въ формальномъ отношеніи. Они страдают многими недостатками, чуждыми романскимъ законодательствамъ, а именно: тяжестью, неясностью и казуистичностью редакціи, отсутствіемъ пракческаго такта, утонченностью и отвлеченностью нѣкоторыхъ началъ, преобладаніемъ научнаго элемента до того, что иногда законодатель принимаетъ на себя роль преподавателя, стараясь рѣшать самыя